

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12102

EDN: HLBILZ

Тюркская «кукушка» в олонхо: трансформации и рудименты

С. Д. Львова

*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
(г. Якутск, Российская Федерация)*

e-mail: lvovasakhaya@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности и генезис образа кукушки в якутском эпосе олонхо. Всего проанализировано 58 текстов олонхо, включая ранние записи XIX — начала XX в. Для сопоставления привлечены материалы других тюркских эпосов: алтайского, хакасского, шорского и тувинского. По сравнению с фольклором тюркских народов в целом, где семантика образа кукушки была двойственной, в эпосе отразилось преимущественно импонирующее (предвестник благополучия и процветания) либо нейтральное отношение к данной птице. Детально описан образ в составе сравнения «кукушка с конскую голову», ранее функционировавшего во всех пяти рассмотренных эпосах; наблюдения предшественников дополнены вновь выявленными вариантами употребления сравнительной конструкции. На основании существовавшего различия в эпитетах: если в алтайском, хакасском, шорском и тувинском эпосах репрезентировалась «золотая кукушка», то в якутском олонхо — «звонко-говорливая» — высказано предположение, что якутский эпос олонхо, сохранивший самый ранний вариант образа тюркской кукушки, мог отделиться от общего, пратюркского эпоса до развития в последнем «культы золота». В якутской эпической традиции обнаружено и систематизировано пять основных устойчивых формул, содержащих образ кукушки и имеющих положительную коннотацию: в них кукушка предстает как символ вечного лета и процветания; как символ плодородия; как предсказатель, предотвращающий несчастье. Описаны варианты конструкций с общим концептом «кукушка-удаганка», представляющие эту птицу как транслятора между миром людей и главным верховным божеством-покровителем якутов Юрюнг Аар Тойоном. При этом образ кукушки тесно переплетен с образом звонкоголосой белой удаганки (*айыы дьаргыл удаган*). Также выделена группа семантически неоднородных конструкций позднего периода (после 1932 г.), появившихся под влиянием шаманизма, народных примет и поверий и имеющих по большей части отрицательную коннотацию. Сделан вывод, что в формировании якутской версии образа кукушки ключевую роль сыграла удаганская культура, а на позднем этапе некоторые трансформации внес шаманизм.

Ключевые слова: якутское олонхо, алтайский эпос, тувинский эпос, хакасский эпос, шорский эпос, образ кукушки, золотая кукушка с конскую голову, фольклорное сравнение, тотемизм, шаманизм, удаганская культура

Для цитирования: Львова С. Д. Тюркская «кукушка» в олонхо: трансформации и рудименты // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 2. С. 86–117. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12102. EDN: HLBILZ

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12102

EDN: HLBILZ

The Turkic “Cuckoo” in Olonkho: Transformations and Rudiments

Sakhaya D. L'vova

*Ammosov North-Eastern Federal University
(Yakutsk, Russian Federation)*

e-mail: lvovasakhaya@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the image of cuckoo in the Yakut Olonkho in comparison with the materials of the Altai, Khakas, Shorian and Tuvan epics. In total, 58 Yakut epic texts, including early records of the Olonkho of the 19th — early 20th centuries were analyzed. It is established that while in Turkic folklore the semantics of the image of the cuckoo was ambivalent on the whole, the epic mostly reflects a favourable or neutral attitude to this bird. In positive connotations, the “cuckoo” is more represented as a harbinger of well-being and prosperity. It was also revealed that the comparison “cuckoo the size of a horse’s head” previously functioned in all five examined epics; the Altai, Khakas, Shorian and Tuvan epics represented the “golden cuckoo” and the Yakut Olonkho — the “sonorously talking cuckoo”. Hence, the Yakut epic Olonkho could separate from the general, pro-Turkic epic before the development of the “gold cult,” and the earliest variant of the image of the Turkic cuckoo was preserved in it. Five main stable formulas containing the image of the cuckoo have been found in the Yakut epic tradition. All of them have positive connotations: the cuckoo appears as a symbol of eternal summer and prosperity; as a symbol of fertility; as a soothsayer preventing misfortune. The structural variants under the general concept of “the cuckoo-udaganka” represent this bird as a translator between the world of people and the supreme protective deity of the Yakuts, Yuryung Aar Toyon, thus the image of the cuckoo is closely associated with the image of a white sonorous-voiced udaganka. Also distinguished is a group of semantically heterogeneous constructions of the later period (post-1932), most of them with negative connotations, influenced by shamanism, folk omens and beliefs. Thus, the key role in the formation of the Yakut version of the cuckoo image was played by the Udagan culture, and at a later stage certain transformations were introduced by shamanism.

Keywords: Yakut Olonkho, Altai epic, Tuvan epic, Khakas epic, Shorian epic, image of the cuckoo, golden cuckoo the size of a horse head, folk comparison, totemism, shamanism, Udagan culture

For citation: L'vova S. D. The Turkic “Cuckoo” in Olonkho: Transformations and Ridiments. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 86–117. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12102. EDN: HLBILZ (In Russ.)

Введение

Главным национальным достоянием тюркских народов, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке Российской Федерации (алтайцев, хакасов, шорцев, тувинцев и якутов), является их эпическое наследие. Эпические традиции этих народов, произошедших от общих предков, продолжали развиваться, претерпевая изменения во времени и локации, социальных и культурных условиях жизни своих носителей, и приобрели особенности различного уровня. Каждый эпос стал уникальным, цельным произведением, хранящим в себе историческую память своего народа. Особенно интересным представляется природа якутского эпоса олонхó, «отпочковавшегося» от единого тюрко-монгольского мира предположительно в середине VIII в. (см.: [Иванов: 26]).

Вопросы определения места и роли якутского олонхо в системе тюрко-монгольских эпосов затрагивались уже со времен становления отечественной фольклористики как академической науки (2-я пол. XIX в.) в трудах ведущих ученых В. М. Жирмунского (1974), Е. М. Мелетинского (1978), Б. Н. Путилова (1972) и др.¹ В якутском эпосоведении основа сравнительного изучения олонхо и других тюркских эпосов была заложена в 1960–1970-е гг. И. В. Пуховым, который впервые научно обосновал южное происхождение олонхо и провел ряд сопоставительных исследований по сюжетам, образам, художественным средствам эпосов (см.: [Пухов, 2004а, 2004б]). Основные положения его работ нашли отражение в трудах эпосоведов последующего поколения (Н. В. Емельянов, Д. Т. Бурцев, В. М. Никифоров и др.) и развиваются по настоящее время современными специалистами олонховедения

¹ См.: [Жирмунский], [Мелетинский], [Путилов].

и лингвофольклористики (Л. Л. Габышева, М. Т. Сатанар, Ю. П. Борисов, Л. Н. Герасимова и др.)².

Несмотря на научные изыскания, начало которым было положено полвека назад, «теоретические исследования по общетюркскому эпосу» все еще нуждаются в новых фактах и аргументах (см.: [Иванов: 28]). Выявление общих и характерных черт эпосов является основной задачей сравнительного изучения с целью установления их общности и национальной специфики. Надлежащее внимание должно уделяться «сходству конкретных деталей» [Пухов, 2004а: 290], которое свидетельствует о генетических связях якутов с другими тюркскими народами, а также эпическим формулам, представляющим собой «"зашифрованное" сообщение, посланное из глубины веков» [Габышева: 81]. Одним из таких интересных элементов, на наш взгляд, является образ кукушки.

Образу кукушки в фольклоре тюркских народов России посвящено немало исследований. В работах современных ученых в целом был констатирован амбивалентный характер фольклорного образа этой птицы, раскрыта его семантическая структура, проведены межэтнические параллели³. Наш интерес к образу кукушки возник при компаративном изучении фольклорных сравнений (на материале якутского олонхо и других тюркских эпосов). В дополнение к ранее установленным параллелям между носящими характер сравнения выражением «золотая кукушка с конскую голову» (хакасский и алтайский эпос) и образом «конская голова», передающим размер золота (тувинский эпос; см.: [Орус-оол: 284–285]), идентичные сравнение и образ нам удалось обнаружить также в шорском и якутском эпосах (см.: [Lvova: 141]).

В рассмотренных нами эпических текстах алтайцев, хакасов, шорцев эти золотые птицы были ярко представлены: как правило, они сидели на верхушке священного дерева (тополя, березы) и выполняли немаловажные функции в развитии сюжета. Для сравнения: в якутском и тувинском эпосах кукушка

² См.: [Емельянов], [Бурцев], [Никифоров], [Габышева], [Сатанар], [Борисов], [Герасимова].

³ Подробнее см.: [Бурнаков], [Габышева], [Голикова], [Музраева], [Юлдыбаева].

золотого цвета как отдельный образ не упоминается. Между тем кукушка у якутов и тувинцев также является сакральной птицей. В определенных жанрах фольклора, в частности, в сказке, ей отводится достаточно значительная, иногда главная роль (см.: [Музраева: 84, 88]). В якутской фольклорной традиции у «кукушки» усилена негативная символика: как «шаманская птица» она наделена внушающими опасение магическими свойствами (см.: [Куприянова: 25]). Предполагалось, что при описании в олонхо прекрасного священного дерева подобное представление о кукушке накладывало табу на раскрытие ее образа, что в дальнейшем привело к его полной деактуализации. Однако второй компонент сравнительной структуры, образ «конская голова», сохранился, более того — стал универсальным эталоном сравнения для преувеличения размера какого-либо объекта: огнива, богатырского кулака, абстрактного понятия (например, счастья) и т. д. Языковое оформление этого образа сравнения имеет несколько вариантов, эпитет в нем в основном указывает на возраст коня (обычно *алталаах* 'шестигодовалый' или *абыстаах* 'восьмигодовалый'), что способствует дополнительной гиперболизации объема описываемого объекта. Наиболее часто образ служит эпитетом богатырского огнива, например: *Аллаах ат баһын саба* / *Ала чокуурдаан хататтаах*⁴ 'С голову резвого коня пестрое кремневое огниво имеет'⁵.

Особая популярность образа «конская голова» и отсутствие образа «золотая кукушка» при развернутой репрезентации мирового дерева в олонхо подвели к мысли о необходимости более тщательного изучения якутских эпических текстов. Так, с целью выявить следы функционирования общетюркского сравнения «золотая кукушка с конскую голову» и определить семантическую структуру образа кукушки в олонхо и с опорой на традиционную методологию текстологического исследования, включающую описательный метод, контекстный,

⁴ Хаан Дьаргыстай: олонхо / [зап. И. А. Худяков]. Якутск: Алаас, 2016. С. 16.

⁵ Здесь и далее перевод текстов с якутского языка на русский осуществлен автором статьи.

структурный и семантический анализ, а также классификацию, нами было изучено 58 текстов якутского эпоса, включая ранние записи XIX — начала XX в. Для упрощения и ускорения процесса работы с большим объемом эпических текстов были использованы возможности компьютерных текстовых редакторов: сбор сведений осуществлен с помощью автоматизированного поиска, полученные материалы систематизированы путем составления электронной базы данных. Основным методом исследования стал сравнительный анализ, позволяющий выявить трансформации эпических формул якутского олонхо в диахроническом аспекте, а также общие элементы в родственных эпосах в синхронии.

Семантическая структура «кукушки» в олонхо

Из рассмотренных 58 текстов олонхо образ кукушки так или иначе упоминается в 53 (91%). Установлено пять основных эпических формул олонхо с этим образом — две из них ранее были подробно проанализированы в работе Л. Л. Габышевой как эпические формулы, содержащие анимальный код (см.: [Габышева: 82–90]).

1. *Кэрээбэт кэбэлээх* 'с кукушкой, не перестающей куковать'. Используется в составе параллелизма с привлечением образа горлицы (*өрөөбөт өтөннөөх* 'с горлицей, голосащей непрерывно'), а также турухтана, орла, беркута. Варианты выявлены в 35 текстах из 58 (60%). Данная формула впервые зафиксирована в тексте А. Я. Уваровского, датированном 1848 г. Символизирует вечно цветущую природу, идеальный эпический мир, находящийся в гармонии. Начиная с записей 1941 г., в некоторых олонхо (чурапчинском, хангаласском, усть-алданском, сунтарском) отмечается отрицательная форма: *этэр кэбэтэ эпнэт буолла* 'неугомонная кукушка замолкла'. Этой формулой сказители обозначают наступление в мире хаоса, беды. В вилюйской⁶ эпической традиции вместо эпитета *кэрээбэт* устойчиво используется определение *хараабат* 'не ослабевающий, не перестающий'. Этот эпитет в текстах центральной традиции

⁶ В сказительстве олонхо выделяются три эпические традиции: центральная, вилюйская и северная.

отмечен лишь в трех текстах: А. Я. Уваровского «Ахтылылар»⁷ (1848), в «Нюргун Бёгё»⁸ (1941) и в «Мюгюлю Бёгё»⁹ (1941).

2. *Кэтэбириин олорор киһи кэбэ саба буолан көстөр* 'На задней части сидячий человек кажется величиной с кукушку' — член постоянной эпической формулы, оформленной в четырехчленный параллелизм с привлечением образов разных птиц: глухаря, ласточки, кроншнепа, ворона и др. Варианты обнаружены в 25 текстах (43%). Первая фиксация также произведена в тексте А. Я. Уваровского «Ахтылылар»¹⁰ (1848), вторая — в «Аландаайы-Куландаайы Кулун Куллуруускай»¹¹ (1880-е). Вариант А. Я. Уваровского несколько отличается от традиционного: в нем фигурируют такие образы, как *хахай* 'лев' и *урдаах кыыл* 'лютый зверь'. Является постоянной составной частью типического места «описание богатырского жилища» и служит для гиперболизации размера пространства. Соотнесение кукушки с задней/западной стороной жилища связывают как с идеей плодородия, т. к. это традиционное место расположения супружеского ложа (*кэтэбириин орон*) у якутов, так и с почитанием кукушки как шаманской птицы, которая «служит вехой на дороге к божеству Улуутуйар Улуу Тойону, отцу и главе шаманов, обитающему на западном небосклоне» [Габышева: 86]. На наш взгляд, в этой эпической формуле кукушка в большей степени символизирует женское начало. В пользу этого мнения говорят четыре варианта производной формулы *кэбэ саба кэргэнэ биллибэт* 'нет жены с кукушкой' в текстах таттинского (П. А. Ойунский)¹² (1932),

⁷ Уваровский А. Я. Воспоминания (Ахтылылар). Якутск: Бичик, 2003. С. 59.

⁸ Нюргун Бёгё (Ньургун Бөбө): олонхо / [сказитель Н. А. Абрамов-Кынат]. Якутск: Бичик, 2011. С. 31, 68.

⁹ Олонхо Горного улуса (Горнай олонхолоро). Якутск: Бичик, 2010. С. 40.

¹⁰ Уваровский А. Я. Воспоминания. С. 59.

¹¹ Образцы народной литературы якутов / под ред. Э. К. Пекарского. Т. 1. Вып. 5. 1911. С. 456.

¹² Нюргун Боотур Стремительный (Дьулуруйар Ньургун Боотур): олонхо / текст воссоздал П. А. Ойунский. Якутск: Бичик, 2003. С. 90.

сунтарского¹³ (1938), хангаласского¹⁴ (1941) и кобайского¹⁵ (1941) олонхо. При этом, в тексте П. А. Ойунского, вероятно, зафиксирована ее переходная форма: «*кэргэн дьахтар баара кэтэбэ ыалдьан, кэбэ саба буолан кэдэбэлдьийэн тиийдэбинэ, кэтэбэриин диэки өттө...*»¹⁶ 'если супруга, что была, прогибаясь от боли в затылке, отступала назад так, что виднелась только с кукушку, то задняя сторона... (жилица восклицала по-человечески осуждающие слова)'

3. *Кэлин сэргэтэ кэбэ кыыллаах* 'задняя коновязь с кукушкой-зверью'. Данная формула выявлена в 24 текстах олонхо (41%), в том числе в первой записи «Эриэдэл Бэргэн»¹⁷ (1844). Не характерна для текстов вилюйской эпической традиции. Одна из трех коновязей (наряду с *лучшей (бастын сэргэ)* и *средней (орто сэргэ)*), стоит на западной стороне. Следует отметить, что по этнографическим материалам у якутского шамана были столбы, с насаженными на них изображениями девяти пар разных птиц: «гагар, стерхов, символических двух-головых птиц *ёксёкю*, воронов, кукушек, болотных куличков, чаек, петуха и курицы, птиц *джиэрэнг* (одного из видов куликов)» [Алексеев, 2008: 37]. В текстах олонхо *лучшая* коновязь традиционно украшена изображением мифической птицы *бар кыыл*, редко — тигра, льва; *средняя* коновязь — изображением двух- или трехглавой мифической птицы *ёксёкю*, иногда глухаря, редко — гоголя, ворона, горлицы. Кукушка же является неизменным и единственным атрибутом *третьей* коновязи, которая имеет самый низкий статус. Также в одном тексте олонхо, записанном в 1941 г., выявлен пример, где упоминается, что эта коновязь предназначена для женщины: «*кэрдиис ойуулаах, кэбэ кыыллы мэтириэттээх киниит дьахтар*

¹³ Богатырь Уол Дуолан (Уол Дуолан бухатыыр): олонхо / [сказитель М. З. Мартынов]. Якутск: Бичик, 2010. С. 46.

¹⁴ Хангалас Боотур (Ханалас Боотур): олонхо / [сказитель А. Н. Алексеев]. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2014. С. 45.

¹⁵ Сын кобылы Бэйбэлджийэ Тулаях (Биэ уола Бэйбэлдьийэ Тулаайах): олонхо / [сказитель Ф. С. Семенов-Кырса]. С. 42. (Рукопись, из материалов фольклорной экспедиции НИИ Олонхо СВФУ в Кобяйском улусе в 2022 г.).

¹⁶ Нюргун Боотур Стремительный. С. 90.

¹⁷ Образцы народной литературы якутов. С. 473.

кэлэн түүнэр кэнники сэргэлээх»¹⁸ 'украшенную насечками, с изображением в виде кукушки-зверя, предназначенную для невестки заднюю коновязь имеет'. Необходимо также отметить, что в ранних записях — «Эриэдэл Бэргэн»¹⁹ (1944), «Потомки Юрюнг Айыы Тойона»²⁰ (1890), и текстах северной традиции — момских «Кётёр Мюлгюн»²¹ (1940), «Хаарылла Мохсогол»²² (1940), среднеколымских «Эрбэхчин Мэргэн»²³ (1945), «Лабангхачаан старик» (1945)²⁴, «Кюн Мёнгюрюён старик и Кюн Тэйгэл старуха»²⁵ (1946), коновязи с кукушками олицетворены: они способны «говорить по-кукушечьи», разговаривать, прогонять или призывать приезжего. Это говорит о том, что кукушка некогда могла быть действующим персонажем, который постепенно становился пассивным, превратившись в статичный элемент коновязи.

4. *Кэтэбэр кэбэ кыыллаах* 'с кукушкой на загровке'. Выявлена в 9 текстах (16%). Является составной частью эпитета богатyrского коня, указывает на его магический дар предвидения. Имеет параллель с выражением *кулгаабар курабаччы кыыллаах* 'с кроншнепом на ушах', символизирующим чуткость, бдительность. Есть и другие образы птиц, соотнесенные с отдельными частями тела, но они характеризуют физические данные коня (выносливость, силу, быстроту). Вероятно, семантическое содержание данной формулы объясняется тотемными представлениями предков якутов: орнитоморфный образ, некогда наделенный важными сакральными функциями²⁶, постепенно теряет свою актуальность вследствие наступающего доминирования

¹⁸ Нюргун Боотур Стремительный (Дьулуруйар Ньургун Боотур): олонхо / [сказитель Г. Е. Слободчиков-Тэлээркэ]. Якутск: Алаас, 2013. С. 27.

¹⁹ Образцы народной литературы якутов. С. 473.

²⁰ Там же.

²¹ Олонхо Момы (Муома олонхолоро). Якутск: Бичик, 2004. С. 19.

²² Там же. С. 153.

²³ Олонхо Среднеколымского улуса (Орто Халыма олонхолоро): олонхо. Якутск: Бичик, 2016. С. 62, 75.

²⁴ Там же. С. 152.

²⁵ Там же. С. 37.

²⁶ На наш взгляд, связанными с трансляцией сообщений между мирами людей и духов/богов, передачей «вещих слов» (см. подробнее формулу № 5).

культы коня, отступает на задний план и сохраняется в сокращенном виде — как формула-код. Эта трансформация зафиксирована в самом раннем варианте формулы — в верхоянском тексте «Хаан Дьаргыстай»²⁷: «*кэбэ кыыл кэккэлэччи олоубутун курдук кэтэбэр кэр чуор кулгаахтаах*» 'будто кукушки-звери рядом опустились, с чуткими ушами на затылке'. Данный вариант формулы интересен тем, что представляет собой ее переходный этап — до слияния образа кукушки (в виде кода: «дар предвидения») с образом коня: здесь «кукушка» является эталоном сравнения при описании объекта «ухо». Похожая семантическая структура обнаружена и в другом верхоянском олонхо, текст которого записан намного позже, в 1945 г.: «*Кэбэ кыыл кэтэбин өлбүргэтин саба өнүргэс төтөркөй мэнэ-дьяллик кулгааххын мин дьизки сигэ туттан истэн сэргэхсийэн олор*»²⁸ 'С огузок затылка кукушки-зверя, большие чуткие ушные раковины свои в мою сторону направив, слушая, в бодрости сиди'. В этом случае сравнение использовано применительно к человеку (а не к коню), при этом его функция осталась прежней — передача бдительности, проницательности, способности предвидения.

5. *Этэр тыл иччитэ кэбэ кыыл буолан эттэ* 'дух слова-речи кукушкой-зверью (став) заговорил'. Варианты зафиксированы в 8 текстах центральной традиции олонхо (главным образом ботурусской группы)²⁹ улусов и одного олекминского олонхо) и отсутствует в текстах вилуйской и северной традиций олонхо. Эта сложная по структуре и, возможно, самая ранняя, имеющая глубокие по своей этимологии корни формула, имеет несколько различных, на первый взгляд производных конструкций, которые мы, однако, относим к единой группе с условным названием «кукушка-удаганка». В концепт «кукушка-удаганка» мы включаем такие понятия, как «вещее слово», «благословение-алгыс», «возрождение с помощью силы слова», «возрождение, воссоздание», «изобилие», «плодородие»,

²⁷ Хаан Дьаргыстай: олонхо / [зап. И. А. Худяков]. С. 148.

²⁸ Богатырка Кыыдааннаах Кыыс (Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр): олонхо / [сказитель М. Н. Горохов]. Якутск: Бичик, 2016. С. 91.

²⁹ До 1911 г. в Ботурусский улус Якутской области входили Чурапчинский, Амгинский улусы и часть Таттинского улуса.

«женское». В рассмотренных текстах отмечены примеры воплощения образа кукушки в дух слова (речи, обращения) у персонажа олонхо. При этом важно отметить, что не всякое слово олицетворяется — особую силу, дух приобретает только особенная весть, имеющая ключевую роль в судьбе героя и его соплеменников, или мольба к верховному божеству. Первый пример воплощения духа слова в образ кукушки и, одновременно, наше искомое сравнение «кукушка с конскую голову» обнаружены в тексте ранней записи «Элик боотур и Нигыл боотур» (1896): «*этэр тылым ирчитэ алталаах атыыр сылгы баһын саба этэр чуор кэбэ кыыл буолан тахсан эттэбэ буоллун*»³⁰ 'пусть дух изреченных слов моих, превратившись в звонко-говорливую кукушку-зверя с голову шестигодового коня-жеребца, поднявшись в небо, возвестит'. Эти слова говорит главный герой олонхо, обращаясь за помощью к высшему божеству Юрюнг Аар Тойону (см. об этом подробнее ниже). В тексте П. А. Ойунского (1929–1932) отмечаем утрату образа конской головы в этом сравнении: «*Аан ийэ дайдыттан Аан-Алахчын хотун тыллаах-сынаабын иччитэ тырымныы көтөн тыкааран тахсан, кэбэ кыыл буолан кэтэбэ кэбингнээн...*»³¹ 'С матери-земли дух слов (досл. дух челюсти с языком) Аан-Алахчын госпожи, сверкая, выпорхнул и, превратившись в кукушку-зверя, откидывая затылок назад...', т. е. сообщение духа-хозяйки Земли, которое тоже представлено как самостоятельный дух, доходит до главного божества Юрюнг Айыы Тойона в облике кукушки.

Интересно имя небесной удаганки в другом тексте, где эпитет характеризует обладательницу магии слова: «*кэбэ чоргуор тойуктаах, аан таньар алгыстаах Күн Умсуор удабан*»³² досл. 'с тойуком — звонко кукующей кукушкой, с всеохватным-всемогущим благословением-алгыс Кюн Умсуор удаганка' (1944). Эта удаганка выполняет важную роль в сюжете

³⁰ Олонхо Жулейского наследия (Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро). Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2013. С. 238.

³¹ Нюргун Боотур Стремительный. С. 77.

³² Кыыс Ньургустай Куо: олонхо / [сказитель П. Г. Романов-Мыланыыскай]. Якутск: Алаас, 2013. С. 49.

олонхо: она является дочерью Улуу Тойона — покровителя шаманов и главы злых духов Верхнего мира, и участвует в предопределении судьбы главной героини вместе с тремя другими персонажами — главным божеством Верхнего мира Юрюнг Айыы Тойоном, божеством Джылга Хааном, определяющим судьбы людей, и небесным писарем; и именно она, после инициации героини как воительницы, нарекает последнюю новым именем. В тексте олонхо, записанном в 1941 г., в развязке сюжета девушка-удаганка — суженая главного героя — сама принимает облик кукушки и своим пением оживляет мировое дерево на своей родине. Все образы кукушки в этих конструкциях тесно перекликаются с типическим образом небесной удаганки в олонхо, в трудную минуту приходящей на помощь главному герою и способной оживить мертвого человека с помощью благословения-*алгыс* или живой воды/влаги. По материалам этнографии, у якутов удаганка, именуемая *айыы дьаргыл удабан* 'звонкоголосая белая удаганка', «в прошлом занимала какое-то промежуточное положение между белыми и черными шаманами» и «по просьбам частных лиц, совершала моления о даровании детей, приплода рогатому и конному скоту; особые моления о предотвращении хвори у малых детей и пр.» [Алексеев, 2008: 138].

Проявление негативной семантики у образа кукушки в формулах рассматриваемой группы отмечено лишь в одном тексте (1941) — при описании мирового дерева, традиционно олицетворяемого и наделенного способностью размышлять о своей судьбе: «орусхал мас буолан төбөбүттэн кууран <...> кэбэ кыылым олон кэпсиир маһа буоллахпына, сэттээх-сэлээннээх, сэмэлээх-сунхалаах буолуом»³³ 'развалиной становясь, высыхая сверху <...> если превращусь в дерево, на котором сидя, будет куковать кукушка, то не избежать мне возмездия-расплаты, порицания-упрека'. Как нам представляется, это выражение является импровизацией сказителя позднего периода, в нем четко отражается влияние народных примет и поверий о кукушке, сулящих несчастье и беду (см.: [Куприянова: 25]). Отмечен пример контаминации с негативной семантикой

³³ Тамаллаайы Бэргэн: олонхо / [сказитель И. Д. Оконешников]. Якутск: Якутия, 2012. С. 19.

в тексте «Шаманки Уолумар и Айгыр», где по-кукушечьи заговаривает дух западной горы в Нижнем мире³⁴.

Таблица 1

**Семантическая структура
эпических формул олонхо с «кукушкой»**

№	Эпические формулы	Семантические компоненты
1	<i>Кэрээбэт кэбэлээх</i>	1) вечное лето 2) процветание, гармония в мире
2	<i>Кэтэбириин олорор киһи Кэбэ саба буолан көстөр</i>	1) западная/задняя сторона 2) женское 3) супружеское ложе/плодородие
3	<i>Кэлин сэргэтэ кэбэлээх</i>	1) западная/задняя сторона 2) женское 3) коновязь/кукушка на коновязи, способная говорить, общаться 4) сообщение, предвещание
4	<i>Кэтэбэр кэбэлээх</i>	1) западная/задняя сторона 2) предвещание 3) бдительность, проницательность 4) богатырский конь, способный предвидеть
5	<i>Этэ тыл иччитэ кэбэ кыыл буолан...</i>	1) сообщение, предвещание 2) вещее слово 3) благословение- <i>алгыс</i> , возрождение с помощью силы слова 4) удаганка 5) женское 6) мировое дерево
6	Дороги-перевалы с кукушками, ве- дущие в иной мир	1) шаманская птица 2) предвестник несчастья, неудачи 3) заикание

Стоит обратить внимание, что в ранних текстах олонхо (с 1884 по 1906) не встречаются выражения с образом кукушки с заведомо отрицательной семантикой. Начиная с текста П. А. Ойунского (1932), кроме перечисленных устойчивых формул, сказители допускают авторские привнесения, которые в дальнейшем не передаются в другие тексты. Такие импровизации, содержащие образ кукушки, установлены в 16 текстах.

³⁴ Олонхо Жулэйского наслега. С. 75.

При этом подавляющее большинство из них (93%) носит отрицательную семантику и по большей части описывает проход в мир злых духов Верхнего мира и в Нижний мир: «суордаах-кэбэлээх Суодуйа хаан дьураа хара аартык»³⁵ 'с воронами и кукушками, чернеющий вдали перевал Суодуйахан', «кэбэлиши этэ турар дьалхааннаах-анысханнаах дьабын таас улабата»³⁶ 'по-кукушечьи говорящая, тревожная-беспокойная задняя сторона скалы', «кэбэ миинин курдук кэмсиин-имсиин сибишрдэр»³⁷ 'будто сварили суп из кукушки — такого цвета мрачно-ненастные земли', «тимир чоргуор кэбэлээх»³⁸ 'с железной звонкоговорящей кукушкой', «кэлэбэй кэбэлээх»³⁹ 'с кукушкой-заикой', «кэтэбэр кэбэ сымытттыы сыспыт»⁴⁰ 'на затылке его чуть было кукушка не снесла яйца' и др.

Образ кукушки с позитивной семантикой встречается только в двух импровизациях. Первый — в описании пейзажа в олонхо «Нюргун Бёгё» (1940): «кэбэ кыыл кутуругун курдук кэдэрийэн-иэбиллэн тахсар кэтэх тыа»⁴¹ 'подобно хвосту кукушки-зверя, прогибаясь-поворачивая, вырастающий задний лес'. Обычно для описания дремучих лесов в олонхо привлекаются образы хищных птиц и зверей, что отражает скрытый страх древнего человека перед силами природы (см. об этом: [Львова, 2022: 19]), но в нашем случае изображен не дремучий, а обычный «задний лес», и вместе с образом кукушки используется образ чтимого якутами зверька — соболя. Второй положительный образ кукушки находим в олекминском олонхо «Улуу Даарын» (1940) — как часть

³⁵ Алаатыыр Ала Туйгун: олонхо. Ч. 3 / [сказитель Р. П. Алексеев]. Якутск: Бичик, 2002. С. 112.

³⁶ Там же. С. 89.

³⁷ Сын лошади богатырь Дыырай — Сылгы уола Дыырай Бухатыыр / [сказитель И. И. Бурнашев-Тонг Суорун]. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2013. С. 78.

³⁸ Кыыс Ньургустай Куо: олонхо / [сказитель П. Г. Романов-Мыланыыскай]. Якутск: Алаас, 2013. С. 88.

³⁹ Кыыс Дэбилийэ: якутский героический эпос / [сказитель Н. П. Бурнашев]. Новосибирск: Наука, 1993. С. 220.

⁴⁰ Неистовый Эр Соготох = Омуннаах-төлөннөөх Уол Эр Соботох: олонхо / [сказитель Н. Г. Тагров]. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2012. С. 168.

⁴¹ Нюргун Бёгё (Ньургун Бөбө): олонхо / [сказитель Н. А. Абрамов-Кынат]. С. 31.

эпитета божества плодородия Айбысыт: «*этэр кэбэ илдьит-тээх*»⁴² 'с предвестником — кукушкой говорливой', то есть приводящей за собой лето и благополучие.

Образ кукушки в других тюркских эпосах: функции, семантика

Как уже было отмечено, в фольклоре всех тюркских народов семантика образа кукушки двойственна (положительная и отрицательная). Однако в эпосе прослеживается преимущественно положительное отношение к этой птице. Так, представление кукушки как тотемной птицы в наибольшей степени сохранилось в хакасском эпосе. Хакасская *арыҕ табыстыҕ көөк хузы* 'чистоголосая птица кукушка', предположительно восходящая «к дошаманистской мифологии хакасов — к тотемистическим воззрениям», обычно предстает «вещей птицей, мудрой наставницей героев»; «от ее кукования мертвое возрождается к жизни, засохшие деревья покрываются зеленой листвой. Нередко в эпосе встречается мотив превращения в кукушку старшей сестры богатыря-героя, которая оживляет погибшего брата своим кукованием» [«Ай-Хуучин»: 441]. В эпосе «Ай-Хуучин» душа главной героини превращается в двухглавую кукушку (*iki настыҕ көөк хус*), чтобы скрыться от врагов⁴³. С образом кукушки также тесно связана поля скала Ах-Хайа — тайная родовая усыпальница-склеп предстателей знатного рода, к которому принадлежит главная героиня; на этой скале возвышается священная береза с золотыми листьями, а на вершине березы сидит золотая кукушка (*алтын көөк*), своим кукованием подсказывающая местонахождение этой скалы. В варианте другого сказителя эта усыпальница представлена не как склеп, а как потайное место на хребте Кирым-сын. «Когда кукушка начинает куковать, в небо вздымается горная бело-сизая вершина (*агыл-когил тигей*), открывая белый каменный гроб. После захоронения

⁴² Богатырь Великий Даарын (Улуу Даарын бухатыыр): олонхо / [сказитель М. Т. Шараборин-Кумаарап]. Якутск: Бичик, 2008. С. 46.

⁴³ Хакасский героический эпос: «Ай-Хуучин». Новосибирск: Наука, 1997. С. 448.

горная бело-сизая вершина от кукования кукушки вновь опускается с неба и, закрыв собою гроб, уходит в землю» [Описание вариантов сказания «Ай-Хуучин»: 467]. Здесь следует отметить, что в тексте якутского олонхо северной традиции «Лабангхачаан старик» есть похожий интересный эпизод: могущественная небесная шаманка, защищая главного героя и его суженую, достает из кармана *кыһыл алтан* (букв. «красно-медный», в контексте означает «золотой») наперсток, превращает его в золотистый *дуур таас булгуннах* 'огромный каменный курган/холм', на верхушке которого сидит кулик, а у подножия — кукушка⁴⁴. Функция этих магических объектов остается имплицитной, но, когда чудовище после долгих попыток наконец поднимается на верхушку холма и пытается расцеловать шаманку, восседающую там в облике прекрасной женщины, дух шаманки превращается в *сыя таас* 'сыя-камень' и, пройдя через ноздри в желудок чудовища, подвергает его мучительной смерти. Можно утверждать, что в этом якутском эпосе тоже могли сохраниться следы тотемизма.

Шорцы также связывали пробуждение природы с кукованием кукушки. Кукушка — особо почитаемая многими шорскими родами птица, «о ней сложено много мифов. <...> с ней связаны многие поверья, традиционные религиозные представления шорцев, считавших кукушку вещей птицей» [«Кан Перген»: 441]. В эпосе же *алтын кббк* 'золотая кукушка' выполняет роль вестницы, она оповещает о ходе конных скачек во время сватовства героя⁴⁵. В другом шорском эпосе «Алтын Сырык» описывается золотая гора (*алтын тайга*) с шестьюдесятью перевалами, на которую поднимается богатырь по подсказке голоса золотой кукушки. На самой верхушке этой золотой горы растет золотая береза, под которой восседают три творца — они одаривают бездетного главного героя сыном⁴⁶.

⁴⁴ Олонхо Среднеколымского улуса (Орто Халыма олонхолоро): олонхо. С. 237.

⁴⁵ Кан Перген // Шорские героические сказания. М.; Новосибирск: Наука, 1998. С. 273, 305.

⁴⁶ Алтын Сырык // Там же. С. 335–341.

В алтайском эпосе функционируют четыре формулы с положительной семантикой: 1) В тексте «Маадай-Кара» на вершине семиколенного вечного тополя сидят «две одинаковые, с конскую голову, золотые кукушки»⁴⁷, и от их непрестанного гулкового кукования на Алтае распускаются цветы. Сходный вариант формулы *ат пажындый алтын күүк андамында эдип јадат*⁴⁸ 'с конскую голову золотая кукушка там и здесь куковала' в тексте «Очи-Бала» участвует в описании благодатной эпической местности, где царят процветание и гармония. 2) Когда главная героиня-богатырка возвращается с очередной охоты, «*ат пажындый алтын күүк ат кулакта кожо ло кел јат, кой пажындый коныр күүк колтыгында кожо ло кел јат*»⁴⁹ 'золотая кукушка с конскую голову с ушами коня вровень летит, бурая кукушка с овечью голову с подмышками [коня] вровень летит'. Эта структура перекликается с якутской формулой *кэтэбэр кэбэ кыыллаах* 'с кукушкой на загривке', которая является составной частью развернутого эпитета богатырского коня и указывает на его дар предвидения. 3) Формула *ай-кулакка алтын күүк эткендий* 'словно в луновидное ухо золотая кукушка прокуковала' в тексте «Кан-Алтын» характеризует разных персонажей эпоса, которые говорят то, что должно было быть сказано, или совершают предопределенный поступок/действие⁵⁰. Таким образом, эта формула, как и вторая, указывает на способность персонажа предугадывать, предвидеть, но с дополнительной смысловой нагрузкой: «предопределение», «следование по предначертанной благоприятной (!) судьбе». 4) В тексте «Маадай-Кара» говорится, что две кукушки на верхушке тополя обладают даром предвидения: «кому предназначена счастливая жизнь, тех радуют золотые кукушки, кому предназначена плохая судьба, тех печалят серые кукушки»⁵¹.

⁴⁷ Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1973. С. 68, 252.

⁴⁸ Очи-Бала // Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, 1997. С. 86–87, 113, 150–151.

⁴⁹ Там же. С. 113.

⁵⁰ Кан-Алтын // Там же. С. 305, 375, 381, 387, 503, 511.

⁵¹ Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. С. 69, 253.

В целом можно сказать, что в алтайском эпосе, в отличие от других родственных эпосов, произошло удвоение образа кукушки: 1) на тополе сидят две золотые кукушки; 2) рядом с богатырским конем одновременно летят золотая и бурая кукушки; 3) вещие кукушки бывают двух видов: одна радуется хорошими вестями, а другая, наоборот, сообщает о чем-то плохом.

В тувинской эпической традиции обнаруживается только сравнительная конструкция *аът бажы дег алдын* 'золота — с конскую голову' (устойчивая формула в эпических текстах «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей»⁵² и «Алдай-Буучу»⁵³), которая ранее была определена нами как производная от сравнения «золотая кукушка с конскую голову»: «Если в якутском эпосе произошла полная деактуализация исходного объекта сравнения, то тувинскому эпосу, вероятно, удалось сохранить периферийную часть объекта (то есть эпитет «золотой»), преобразив её в самостоятельный объект сравнения» [Львова, 2021: 211]. Однако установлено, что у тувинцев есть сказка, в которой «акцентируется наиболее характерное свойство кукушки, за что она несет скрытое наказание»: кукушка претендует на роль царя (=хана) птиц, обосновывая это тем, что от ее «пения вся земля весной в зеленый убор наряжается», однако птицы ей отказывают — они возмущены «тем, что она не высиживает птенцов» [Музраева: 85]. В этой сказке, на наш взгляд, дается прямое объяснение, почему образ кукушки с положительной семантикой был вытеснен из тувинского эпоса, и остался лишь его компонент с нейтральной оценкой.

В результате изучения материалов тувинского фольклора был обнаружен миф под названием «Буряя кукушка, имеющая лошадиную голову» — он упоминается в труде якутского этнографа Н. А. Алексеева: «По мифу считалось, что в древние

⁵² Тувинские героические сказания. Новосибирск: Наука, 1997. С. 382, 456, 500, 508.

⁵³ Алдай-Буучу: Тувинские героические эпосы (Тыва улустун маадырлыг тоолдары) / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1993. Т. 2. С. 22.

времена, пока в Туве обитала такая кукушка, все вокруг оставалось вечно зеленым. После того, как она улетела из Тувы, травы и деревья стали блекнуть на зиму. И только ель, сосна и кедр оставались зелеными потому, что на них любила садиться бурая кукушка. <...> [реальные кукушки,] прибыв в теплую южную страну, лгут бурой кукушке, говорят, что в Туве не осталось деревьев, на которые она могла бы сесть. Возможно, оба мифа сложились у общих предков якутов и тувинцев» [Алексеев, 2004: 7]. Н. А. Алексеев также отметил, что «тувинцы, как и якуты, связывали появление зелени с мифической птицей», но «пренебрежительно относились к реальным кукушкам» [Алексеев, 2004: 7]. Изложенный миф содержит раннее позитивное представление тувинцев о кукушке; можно также предположить, что образ «бурая кукушка с лошадиной головой» является вариантом более ранней формы «золотая кукушка с конскую голову». Образ примечателен и тем, что в нем сохранен след переходного этапа: от почитания тотемной птицы к культу коня. Следовательно, сравнение кукушки с лошадиной головой не было простой ассоциацией понятий по какому-либо общему признаку — это сложная семантическая структура, берущая корни в глубоко архаичных, мифологических представлениях древних тюрков.

Трансформации и рудименты тюркской «кукушки» в олонхо

Трансформированный вариант общетюркской «золотой кукушки с конскую голову» обнаружен в тексте якутского олонхо «Элик боотур и Нигыл боотур», записанном в 1896 г. неким Р. Александровым в Ботурусском улусе Якутии (см. Табл. 2).

Таблица 2

**Варианты образа «золотой кукушки с конскую голову»
в тюркских эпосах**

	Оригинал	Перевод
Алтайский	<i>Јети үйелү мөнкү терек бу бажында Эки түней ат бажынча алтын күүк¹⁾</i>	На вершине семиколленного вечного тополя Две одинаковые, с конскую голову, золотые кукушки²⁾
	¹⁾ Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. С. 68	²⁾ Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. С. 252
Хакасский	<i>Пай хазыңның пазында Ат пазындағ алтын көөк³⁾</i>	На вершине священной березы Золотая кукушка с конскую голову⁴⁾
	³⁾ Хакасский героический эпос: «Ай-Хуучин». С. 194	⁴⁾ Хакасский героический эпос: «Ай-Хуучин». С. 195
Шорский	<i>Қазың паиштарында Ат пажынча Алтын көөктер қағыш-чөрча⁵⁾</i>	На верхушках березы Размером с голову коня Золотые кукушки щебетали ⁶⁾
	⁵⁾ Кара Сабак // Шорские героические сказания: Кара Кан, Кара Сабак. М.: Ин-т перевода Библии, 2014. С. 118	⁶⁾ Кара Сабак // Шорские героические сказания: Кара Кан, Кара Сабак. М.: Ин-т перевода Библии, 2014. С. 119
Тувинский	<i>Аът бажы дег алдын, Бөрү бажы дег мөңгүн⁷⁾</i>	Золота — с конскую голову, Серебра — с волчью голову⁸⁾
	⁷⁾ Ооржак М. Н., 1997. С. 382, 456, 500, 508	⁸⁾ Ооржак М. Н., 1997. С. 382, 456, 500, 508
Якутский	<i>...этэр тылым ирчитэ алталаах атыыр сылгы баһын саба этэр чуор кэбэ кыыл буолан тахсан эттэбэ буоллун⁹⁾</i>	...Пусть дух изреченных слов моих, С голову жеребца шестигодовалого В звонко говорливую кукушку-зверя обратившись, известит, поднявшись (пер. автора)
	⁹⁾ Олонхо Жулейского наслега. С. 238	

Кукушка, представленная в якутском олонхо, является духом изреченных слов. Ее функция не имеет разительного отличия от общетюркского: она так же передает сообщение (от главного героя-богатыря высшему божеству Юрюнг

Айыы Тойону), извещает о важном (мольба о помощи при опасной ситуации). Особенность этой кукушки заключается в отсутствии эпитета *алтын/алдын* 'золотой'. Известно, что в якутском эпосе, в отличие от алтайского, хакасского, шорского и тувинского, 'золото' (в современном якутском языке — *кыһыл көмүс*) не является приоритетным металлом — самым благородным металлом в олонхо, как и в бурятском эпосе, выступает *көмүс* 'серебро'. Слово *алтан* в современном якутском языке означает «медь». Однако в эпических текстах сохранился «узкий круг определяемых слов» (*алтан сэргэ* 'золотая коновязь', *алтан ньээкэ* 'дорогое гнездо, родной очаг', *алтан түөстээх далбарайым* 'златогрудый мой птенчик' и др.), «по отношению к которым *алтан* является постоянным эпитетом» в устаревшем значении «золотой» (см.: [Корякина: 120–121]). На наш взгляд, «кукушка», обладающая такой насыщенной сакральной семантикой, тоже должна была сохранить свой эпитет «золотая». А был ли он у нее изначально?

В материалах по якутскому олонхо нами обнаружена только одна номинация *алтан кэбэ* в литературном тексте «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского, «воссозданного» им в 1932 г. на основе услышанных от известных якутских сказителей олонхо (см. Табл. 3, строка «Отрицательная»). Но в этом случае эпитет *алтан* использован, скорее, в значении 'медная': в олонхо сказывается, что перевал Кэхтия Грозная с медными кукушками служит проходом между Средним и Верхним мирами, по нему верхние злые духи спускаются на землю, принося людям разрушение и беду; этот же путь ведет к главе злых духов Верхнего мира, покровителю шаманов Улуу Суорун.

В эпитете *этэр чуор* 'звонко-говорливая' акцентирована способность кукушки предсказывать будущее (вещая птица). Такая тенденция сохранена во всей якутской эпической традиции — в других текстах олонхо встречаются также эпитеты *кэрээбэт/хараабат* 'не перестающая (куковать)', *кэрээбэккэ этэр* 'непрестанно говорящая (кукующая)', *кэрээбэккэ кэпсиир* 'непрестанно рассказывающая', *кэхтибэт* 'неослабная', *кэхтибэккэ этэр* 'неослабно говорящая', *этэр* 'говорящая', *кэр*

чуор саналаах 'прерывисто(?) звонкоголосая', *кэпси оморор* 'букв. рассказывающая, сидящая', *кэпси-кэбийэ оморор* 'букв. безостановочно рассказывающая, сидящая' и т. п. Эпитеты, содержащие цветные характеристики, обнаружены только в двух текстах, записанных в 1941 г.: *кугдахай дьүһүннэх кэбэ кыыл*⁵⁴ 'со светло-бурым/бурым окрасом кукушка-зверь' и *ала кэбэ кыыл*⁵⁵ 'пестрая кукушка-зверь'. Отметим, что в тувинском мифе «кукушка с лошадиной головой» тоже была «бурая». Кроме того, на материале алтайского эпоса мы рассматривали две отдельные формулы, в которых «золотая кукушка» предстает в паре с *коныр күүк* 'бурой кукушкой'⁵⁶. Несомненно, в рассмотренных тюркских эпосах «бурая кукушка» присутствовала, но определить, какое именно место она занимала, пока не представляется возможным ввиду недостаточности источников.

Также вызывает интерес следующий любопытный факт: самец кукушки обыкновенной бывает серого окраса, а самка — как серого, так и рыжего цветов⁵⁷, т. е. рыжей может быть только кукушка-самка (бурий цвет — заимствование из тюркских языков, первоначально означал «рыже-красный» и широкий спектр цвета, начиная от оттенков коричневого до серого, от орехового до «искрасна-черноватого»⁵⁸). Следовательно, тюркская «золотая кукушка» является воплощением образа именно кукушки-самки, что отразилось также на ее гендерной характеристике.

⁵⁴ Тамаллаайы Бэргэн: олонхо / [сказитель И. Д. Оконешников]. С. 19.

⁵⁵ Иэйэхсит сиэнэ эриэн таба аттаах Эрэбил Бэргэн / [сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов]. Якутск: РИО ДДН им. А. Е. Кулаковского, 2015. С. 292.

⁵⁶ В эпосе «Маадай-Кара» *коныр* был переведен С. С. Суразаковым как 'серый', однако в словарях это слово определяется как «каурый, светлорыжий» (Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск: НИИ Алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. С. 351).

⁵⁷ См.: Обыкновенная кукушка (*Cuculus canorus*) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ohotfak.ru/index.php/bird-songs-kukushka-obyknov.html> (01.03.2023).

⁵⁸ См.: Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. СПб.: Полиграфслужбы, 2005. С. 51; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: РИПОЛ Классик, 2006. Т. 1. С. 209.

Таблица 3

**Репрезентация образа кукушки
в эпическом тексте П. А. Ойунского**

Коннотация	Оригинал	Перевод
Отрицательная	<p><i>Алталаах ат сылгы</i> <i>Адабатын саба</i> <i>Алтан кэбэнэн</i> <i>Хабылалаа олорор,</i> <i>Хааннаах харах уутунан сууммут</i> <i>Кэбэлээх Кээхтийэ-хаан аартык¹⁾</i></p> <p>¹⁾ Нюргун Боотур Стремительный. С. 64.</p>	<p>С колодку шестигодовалого коня медных кукушек вверх подбрасывающий, омываемый кровавыми слезами перевал С кукушками Кэхтия Гроз- ная (пер. автора)</p>
Положительная	<p><i>Аан-Алахчын хотун</i> <i>Тыллаах-сынаабын иччитэ</i> <i>Тырымны кэтөн</i> <i>Тыкааран тахсан,</i> <i>Кэбэ кыыл буолан...²⁾</i></p> <p>²⁾ Нюргун Боотур Стремительный. С. 77.</p>	<p>Дух слов (досл. дух челюсти с языком) Аан-Алахчын госпожи, Сверкая, выпорхнул и, превратившись в кукушку- зверя... (пер. автора)</p>

В тексте П. А. Ойунского встречается образ кукушки, по функции идентичный с вариантом из олонхо «Элик боотур и Нигыл боотур», но без сравнительной конструкции и без образа лошадиной головы: на этот раз к высшему божеству Юрюнг Айыы Тойону в облике кукушки должен долететь и передать сообщение дух изреченных слов духа-хозяйки Земли Аан Алахчын (см. Табл. 3, строка «Положительная»). Любопытно, что в одном тексте произошла одновременная фиксация вариантов негативной и положительной коннотации образа кукушки. Это объясняется тем, что литературный текст П. А. Ойунского, как известно, имеет разительные отличия от фольклорных: во-первых, он записывался в течение значительного отрезка времени — с 1928 по 1932 г., во-вторых, сам автор определил свое произведение как *отут суол*

олонхоттон оноһуллубут 'созданное из тридцати разных олонхо', и даже в самом тексте олонхо упоминает своих «информантов» — сказителей Чээбия, Куохайаана, Акыыма, Кылачысова, Аргунова и Табахырова⁵⁹. В фольклорных же текстах соблюдается закономерность: там присутствует либо положительная («Элик Боотур и Нигыл Боотур» (1896), «Улуу Даарын» (1941), «Эрэбил Бэргэн» (1941) и др.), либо отрицательная (шаманская) семантика («Сын лошади Дыырай» (1939), «Тамаллаайы Бэргэн» (1941), «Кыыс Дэбилийэ» (1941), «Алаа-тыыр Ала Туйгун» (1960) и др.).

Наконец, в тексте олонхо «Эрэбил Бэргэн», записанном в 1941 г. от именитого сказителя И. Г. Тимофеева-Теплоухова, установлен мотив обращения удаганки в кукушку, способную своим пением (то есть силой слов) вернуть к жизни. Так, в развязке сюжета этого олонхо, после разрешения конфликтов суженая главного героя, удаганка Кыыс Нуогай, облачившись в свое шаманское одеяние, превращается в кукушку — *кэр-чуор сангалаах ала кэбэ кыыл*⁶⁰ 'с прерывисто-звонким голосом пестрая кукушка-зверь'. В этом образе основной упор также сделан на ее звонкий, ясный голос. Эта кукушка опускается на основание священного древа Аал Луук Мас и начинает звонко куковать. Кукование, подобно действию шаманского камлания, вызывает грозовые облака — начинается сильный ливень. Вскоре от основания разрушенного священного дерева поднимается густая пена (*күөх күүгэн* 'зеленая пена'), из нее появляется хвойная веточка, которая стремительно вырастает в громадное дерево, ветви которого достигают неба, а из веток и шишек капает молочная жидкость, образуя молочное озеро. Таким образом, кукушка оживляет разрушенное мировое дерево (т. е. восстанавливает благополучие и процветание на своей родине), потом спускается к основанию дерева (можно сделать вывод, что дерево, по мере роста, поднимало кукушку на вершину) и опять принимает человеческий облик. Вероятно, этот нарратив является последней фиксацией функционирования образа кукушки в его архаической форме — с положительной семантикой, как символа процветания, предвестника воссоздания.

⁵⁹ Нюргун Боотур Стремительный. С. 12–14.

⁶⁰ Иэйэхсит сиэнэ эриэн таба аттаах Эрэбил Бэргэн / [сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов]. С. 290–294.

Заключение

Изучение образа кукушки на материале якутского олонхо в сопоставлении с алтайскими, хакасскими, шорскими и тувинскими эпическими текстами позволило сделать определенные выводы, отражающие также позицию автора в вопросе генезиса олонхо.

В фольклоре тюркских народов в целом семантика образа кукушки была двойкой (положительной и отрицательной), однако в якутском эпосе отразилось преимущественно позитивное либо нейтральное отношение к данной птице. В положительной коннотации «кукушка» чаще представлялась как предвестник благополучия и процветания, как «подсказыватель» удачного варианта развития судьбы героя.

Анализ эпических текстов позволил установить, что сравнительная конструкция «кукушка с конскую голову», по всей вероятности, ранее функционировала во всех пяти рассмотренных эпосах. В алтайском, хакасском, шорском и тувинском доминировала именно «золотая кукушка». На определенном этапе в тувинском эпосе произошла деактуализация образа, что привело к исключению компонента «кукушка» и появлению более позднего варианта «золото с конскую голову». Якутские же сказители репрезентировали, главным образом, «звонко-говорливую кукушку».

Кроме «золотой кукушки» в пратюркском эпосе существовал также образ бурой кукушки-самки; в алтайском эпосе эти две кукушки упоминаются в паре и наделены различными функциями. Особую значимость при этом приобретает тувинский миф о «Бурой кукушке, имеющей лошадиную голову». Этот мифический образ, запечатлевший в себе след перехода от тотемизма к культу коня, определен нами как вероятный предшественник варианта «золотая кукушка с конскую голову».

В якутской эпической традиции обнаружено пять основных устойчивых формул, содержащих образ кукушки. Две из них имеют положительную коннотацию (символ вечного лета и процветания; посредник между героем и его покровителями). Еще три формулы, содержащие, на первый взгляд, только нейтральную характеристику, при более детальном анализе

выявляют скрытые положительные коннотации, ассоциируемые с плодородием и предотвращением несчастья. Кроме основных формул, выделяется группа семантически неоднородных конструкций (начиная с текста П. А. Ойунского, датируемого 1932 г.), по большей части с отрицательными коннотациями: «шаманская птица», «птица Нижнего мира», «заика» и др. Следовательно, до начала XX в. якутский эпос сохранял исторически более раннюю положительную семантику образа кукушки, не подвергнувшись влиянию шаманизма, народных поверий и примет.

Особый интерес представляют формулы якутского эпоса, в которых удаганка превращается в кукушку и своим кукованием оживляет разрушенное мировое дерево, а также формулы, репрезентирующие дух слова (речи, сообщения) в образе кукушки. Среди них обнаружена семантическая структура, сходная с общетюркской «золотой кукушкой с конскую голову»: дух изреченного слова-мольбы главного героя, обращенного к верховному божеству, превращается в «звонко-говорливую кукушку-зверя с голову шестигодовалого жеребца». Варианты общего концепта «кукушка-удаганка» представляют эту птицу как транслятора между миром людей и главным верховным божеством якутов Юрюнг Аар Тойоном, покровительствующим им; при этом образ кукушки тесно переплетается с образом звонкоголосой белой удаганки (*айыы дьаргыл удаган*).

Можно предположить, что якутский эпос олонхо, сохранивший самый ранний вариант «тюркской кукушки», отделился от общего, пратюркского эпоса до развития в последнем «культы золота»; либо же позднее воздействие на олонхо другой культуры, например, удаганской, оказалось настолько сильным, что заставило «забыть» первоначальный эпитет «золотая» (чего не произошло в эпосе тувинском). Так или иначе, в формировании якутской версии образа кукушки ключевую роль сыграла именно удаганская культура, и внесенную ею семантику не смогло затмить даже влияние шаманизма на последующем этапе. На наш взгляд, только определение места удаганской культуры в хронологии этногенеза якутского народа позволило бы прояснить суть этого вопроса.

Список литературы

1. «Ай-Хуучин»: комментарии к переводу // Хакасский героический эпос: «Ай-Хуучин» / запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и комм., прилож. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. С. 430–448 [Электронный ресурс]. URL: https://poisk.ngonb.ru/flip236/ramyatniki_folklor/04/98-12703%20_%20Хакасский%20героический%20эпос%20Ай-Хуучин%20-%201997/ (01.03.2023). (Сер.: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 16.)
2. Алексеев Н. А. Якутская мифология // Якутские мифы (=Саха өс-номохторо) / сост. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2004. С. 6–38.
3. Алексеев Н. А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 494 с.
4. Борисов Ю. П. Универсалии эпических формул в якутском олонхо и шорском эпосе: сравнительный аспект // Научный диалог. 2020. № 5. С. 255–271 [Электронный ресурс]. URL: http://iolonkho.s-vfu.ru/system/files/255-271_borisov_nd_2020_5.pdf (01.03.2023). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-255-271. EDN: RGCHRM
5. Бурнаков В. А. Образ кукушки в мифо-поэтической и ритуальной традиции хакасов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2008. Т. 14. С. 305–309 [Электронный ресурс]. URL: http://www.paeas.ru/x/ru/arc/doc/ses_2008.pdf (01.03.2023). EDN: OWHIUD
6. Бурцев Д. Т. Якутский эпос олонхо как жанр. Новосибирск: Наука, 1998. 82 с.
7. Габышева Л. Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
8. Герасимова Л. Н. Особенности употребления изобразительных глаголов в якутском и алтайском эпосах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. Вып. 2 (36). С. 9–21 [Электронный ресурс]. URL: https://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/gerasimova_l_n_9_21_2_36_2022.pdf (01.03.2023). DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-9-21. EDN: CNSFQT
9. Голикова Т. А. Образ кукушки в мифопоэтике народов мира // Языки и литературы народов Горного Алтая: междунар. ежегодник 2012. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2012. Т. 10. С. 14–21. EDN: ULYOUF
10. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.
11. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 726 с.
12. Иванов В. Н. Якутский героический эпос олонхо в контексте сравнительного изучения // Вестник Северо-Восточного федер. ун-та им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2016. № 1. С. 22–29 [Электронный ресурс]. URL: http://iolonkho.s-vfu.ru/system/files/ivanov_sravnitelnyu.pdf (01.03.2023). EDN: WELAYN
13. «Кан Перген»: комментарии к переводу // Шорские героические сказания: «Кан Перген», «Алтын Сырык» / вступ. ст., подгот. поэтич. текста, пер., комм. А. И. Чудоякова. М.; Новосибирск: Наука, 1998.

- С. 438–442 [Электронный ресурс]. URL: https://poisk.ngonb.ru/flip236/ramyatniki_folklor/04/98-13802_Шорские%20героические%20сказания%20-%201998/10/ (01.03.2023). (Сер.: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 17.)
14. Корякина Р. В. Эпитеты, образованные от номинаций драгоценных металлов, в якутском и алтайском эпосах // Вестник Северо-Восточного федер. ун-та. Серия: Эпосоведение. 2020. № 4 (20). С. 116–126 [Электронный ресурс]. URL: <https://eposvfu.elpub.ru/jour/article/view/58/59> (01.03.2023). DOI: 10.25587/w8870-8558-1795-k. EDN: FKYBUQ
  15. Куприянова Е. С. Символика образа кукушки в якутском и башкирском эпосах (на материале олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» и кубайра «Урал-батыр») // Молодой ученый. 2011. № 8 (31). Т. 2. С. 24–26 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/31/3568/> (01.03.2023).
  16. Львова С. Д. Сравнения в якутском и тувинском эпосах: общее и специфичное // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 202–216 [Электронный ресурс]. URL: http://iolonkho.s-vfu.ru/system/files/lvova_sd_sravneniya_v_yakutskom_i_shorskem_eposah.pdf (01.03.2023). DOI: 10.25178/nit.2021.1.11. EDN: VTQKFV
  17. Львова С. Д. Состав объектов сравнений в олонхо (на материале текста олонхо «Уол Дуолан» // Эпосоведение. 2022. № 2 (26). С. 17–27 [Электронный ресурс]. URL: <https://eposvfu.elpub.ru/jour/article/view/152/154> (01.03.2023). DOI: 10.25587/z2347-0267-7345-k. EDN: GSFVEO
  18. Мелетинский Е. М. Миф и эпос у народов Северной Азии // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: мат-лы Всесоюз. конф. фольклористов (15–17 июня 1977 г., Якутск). Якутск: Изд-во СО АН СССР, Якутский фил., 1978. С. 15–19.
  19. Музраева Д. Н. Кукушка как персонаж сказочного фольклора народов Центральной Азии: проблема взаимосвязи фольклорных жанров и литературных текстов // Новые исследования Тувы. 2014. № 2. С. 80–94 [Электронный ресурс]. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_22/7149-muzraeva.html (01.03.2023). EDN: SEFOWL
  20. Никифоров В. М. От архаического олонхо к раннефеодальному эпосу. История фиксаций и специфика интерпретаций. Новосибирск: Наука, 2010. 136 с.
  21. Описание вариантов сказания «Ай-Хуучин» // Хакасский героический эпос: «Ай-Хуучин» / запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и комм., прилож. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. С. 461–469 [Электронный ресурс]. URL: https://poisk.ngonb.ru/flip236/ramyatniki_folklor/04/98-12703%20_%20Хакасский%20героический%20эпос%20Ай-Хуучин%20-%201997/ (01.03.2023). (Сер.: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 16.)
  22. Орус-оол С. М. Тувинские героические сказания: текстология, поэтика и стиль: дисс. ... д. филол. н. М., 2001. 431 с.

23. Путилов Б. Н. Эпос народов Сибири и его историческая типология // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН СССР, 1972. С. 121–142.
24. Пухов И. В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутское олонхо. Якутск: Изд-во СО РАН, Якут. филиал, 2004. 328 с.
25. Пухов И. В. Якутский героический эпос — олонхо: публикации, перевод, теория, типология: избр. ст. Якутск: Изд-во СО РАН, Якут. филиал, 2004. 207 с.
26. Сатанар М. Т. Коды в миромоделировании тувинского и якутского эпических сказаний // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 211–224 [Электронный ресурс]. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1016/1470> (01.03.2023). DOI: 10.25178/nit.2022.1.14. EDN: PSOZSH
27. Юлдыбаева Г. В. Кукушка в фольклоре тюркских народов // Вестник Челябинского гос. университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 67. 2012. № 20 (274). С. 154–156 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kukushka-v-folklore-tyurkskih-narodov/viewer> (30.03.2023). EDN: PKBSGJ
28. Lvova S. D. Biomorph ic images of comparison in Yakut Olonkho and other Turkic epics of Siberia // Agathos: An International Review of the Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 11. Issue 2 (21). S. 133–149 [Электронный ресурс]. URL: https://www.agathos-international-review.com/issue11_2/19.Lvova.pdf (30.03.2023).

References

1. Commentary on the Translation of the “Ay-Khuuchin”. In: *Khakasskiy ger oicheskiiy ep os: “Ay Khuuchin”* [Khakas Heroic Epic: “Ay-Khuuchin”]. Recording and preparation of the text, translation, introductory article and commentary, appendices by V. E. Mainogasheva. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997, pp. 430–448. Available at: https://poisk.ngonb.ru/flip236/pamyatniki_folklor a/04/98-12703%20_%20Хакасский%20героический%20эпос%20Ай-Хуучин%20-%201997/ (accessed on March 1, 2023). (Ser.: Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; vol. 16.) (In Russ.)
2. Alekseev N. A. Yakut Mythology. In: *Yakutskie mify* [Yakut Myths]. Compiler N. A. Alekseev. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004, pp. 6–38. (In Russ.)
3. Alekseev N. A. *Etnografiya i fol'klor narodov Sibiri* [Ethnography and Folklore of the Peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008. 494 p. (In Russ.)
4. Borisov Yu. P. Universals of Epic Formulas in the Yakut Olonkho and Shor Epic: a Comparative Aspect. In: *Nauchnyy dialog*, 2020, no. 5, pp. 255–271. Available at: http://iolonkho.s-vfu.ru/system/files/255-271_borisov_nd_2020_5.pdf (accessed on March 1, 2023). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-255-271. EDN: RGCHRM (In Russ.)
5. Burnakov V. A. Cuckoo Image in Mytho-Poetic and Ritual Tradition of Khakassas. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of

- Siberia and Adjacent Territories*], 2008, vol. 14, pp. 305–309. Available at: http://www.paeas.ru/x/ru/arc/doc/ses_2008.pdf (accessed on March 1, 2023). EDN: OWHIUD (In Russ.)
6. Burtsev D. T. *Yakutskiy epos olonkho kak zhanr [The Yakut Epic Olonkho as a Genre]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1998. 82 p. (In Russ.)
  7. Gabysheva L. L. *Fol'klornyy tekst: semioticheskie mekhanizmy ustnoy pamyati [Folklore Text: Semiotic Mechanisms of Oral Memory]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009. 143 p. (In Russ.)
  8. Gerasimova L. N. Features of the Image-Forming Verbs Using in the Yakut and Altai Epics. In: *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]*, 2022, issue 2 (36), pp. 9–21. Available at: https://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/gerasimova_l_n_9_21_2_36_2022.pdf (accessed on March 1, 2023). DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-9-21. EDN: CNSFQT (In Russ.)
  9. Golikova T. A. The Image of the Cuckoo in Mythopoetics of the Peoples of the World. In: *Yazyki i literaturny narodov Gornogo Altaya: mezhdunarodnyy ezhegodnik 2012 [Languages and Literatures of the Altai Mountains: International Yearbook]*. Gorno-Altaysk, Editorial and publishing department of Gorno-Altaysk State University, 2012, vol. 10, pp. 14–21. EDN: ULYOUF (In Russ.)
  10. Emel'yanov N. V. *Syuzhety yakutskikh olonkho [Plots of the Yakut Olonkho]*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 375 p. (In Russ.)
  11. Zhirmunskiy V. M. *Tyurkskiy geroicheskiy epos [Turkic Heroic Epic]*. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 726 p. (In Russ.)
  12. Ivanov V. N. Yakut Heroic Epic Olonkho in the Context of Comparative Study. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Ser.: Eposovedenie [Vestnik of North-Eastern Federal University. Ser.: Epic studies]*, 2016, no. 1, pp. 22–29. Available at: http://iolonkho.s-vfu.ru/system/files/ivanov_sravnitelnyy.pdf (accessed on March 1, 2023). EDN: WELAYN (In Russ.)
  13. Commentary on the Translation of the “Kan Pergen”. In: *Shorskie geroicheskie skazaniya: “Kan Pergen”, “Altyn Syryk” [Shor Heroic Tales: “Kan Pergen”, “Altyn Syryk”]*. Introductory article, preparation of the text, translation, comments by A. I. Chudoyakov. Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 1998, pp. 438–442. Available at: https://poisk.ngonb.ru/flip236/пamyatniki_folklor/04/98-13802_Шорские%20героические%20сказания%20-%201998/10/ (accessed on March 1, 2023). (Ser.: Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; vol. 17.) (In Russ.)
  14. Koryakina R. V. Functioning of “Metal” Epithets in Yakut and Altai Epic Texts. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. Ser.: Eposovedenie [Vestnik of North-Eastern Federal University. Ser.: Epic studies]*, 2020, no. 4 (20), pp. 116–126. Available at: <https://eposvfu.elpub.ru/jour/article/view/58/59> (accessed on March 1, 2023). DOI: 10.25587/w8870-8558-1795-k. EDN: FKYBUQ (In Russ.)

15. Kupriyanova E. S. Cuckoo Symbolism in Yakut and Bashkir Epics (on the Material of the Olonkho “Stubborn Kulun Kullustuur” and Kubair “Ural-Batyra”). In: *Molodoy uchenyy [Young Scientist]*, 2011, no. 8 (31), vol. 2, pp. 24–26. Available at: <https://moluch.ru/archive/31/3568/> (accessed on March 1, 2023). (In Russ.)
16. L'vova S. D. Comparisons in the Yakut and Tuvan Epics: General and Specific. In: *Novye issledovaniya Tuvy [The New Research of Tuva]*, 2021, no. 1, pp. 202–216. Available at: http://iolonkho.s-vfu.ru/system/files/lvova_sd_sravneniya_v_yakutskom_i_shorskomp_emosah.pdf (accessed on March 1, 2023). DOI: 10.25178/nit.2021.1.11. EDN: VTQKFV (In Russ.)
17. L'vova S. D. The Composition of the Objects of Comparison in the Yakut Olonkho (Based on the Text of Olonkho “Uol Duolan”). In: *Eposovedenie [Epic Studies]*, 2022, no. 2 (26), pp. 17–27. Available at: <https://eposvfu.elpub.ru/jour/article/view/152/154> (accessed on March 1, 2023). DOI: 10.25587/z2347-0267-7345-k. EDN: GSFVEO (In Russ.)
18. Meletinskiy E. M. Myth and Epic at the Peoples of North Asia. In: *Epicheskoe tvorchestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: materialy Vsesoyuznoy konferentsii fol'kloristov (15–17 iyunya 1977 goda, Yakutsk) [Epic Creativity of Peoples of Siberia and the Far East: Materials of the All-Union Conference of Folklorists (June 15–17, 1977, Yakutsk)]*. Yakutsk, USSR Academy of Sciences Publ., 1978, pp. 15–19. (In Russ.)
19. Muzraeva D. N. Cuckoo as a Character of Fairy Tale Folklore of the Peoples of Central Asia: the Problem of Interrelation of Folklore Genres and Literary Texts. In: *Novye issledovaniya Tuvy [The New Research of Tuva]*, 2014, no. 2, pp. 80–94. Available at: https://www.tuva.asia/journal/issue_22/7149-muzraeva.html (accessed on March 1, 2023). EDN: SEFOWL (In Russ.)
20. Nikiforov V. M. *Ot arkhaischeskogo olonkho k rannefeodal'nomu eposu. Istoriya fiksatsiy i spetsifika interpretatsiy [From the Archaic Olonkho to the Early Feudal Epic. History of Fixations and Specifics of Interpretations]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2010. 136 p. (In Russ.)
21. The Description of Variants of the Tale “Ay-Khuuchin”. In: *Khakasskiy geroicheskiy epos: “Ay-Khuuchin” [Khakas Heroic Epic: “Ay-Khuuchin”]*. Recording and preparation of the text, translation, introductory article and commentary, appendices by V. E. Mainogasheva. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997, pp. 461–469. Available at: https://poisk.ngonb.ru/flip236/pamyatniki_folklor/04/98-12703%20_%20Хакасский%20героический%20эпос%20Ай-Хуучин%20-%201997/ (accessed on March 1, 2023). (Ser.: Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; vol. 16.) (In Russ.)
22. Orus-ool S. M. *Tuvinskie geroicheskie skazaniya: tekstologiya, poetika i stil': dis. ...d. filol. nauk [Tuva Heroic Tales: Textology, Poetics, and Style. Doctor philol. sci. diss.]*. Moscow, 2001. 431 p. (In Russ.)
23. Putilov B. N. Epic of the Peoples of Siberia and Its Historical Typology. In: *Voprosy yazyka i fol'klora narodnostey Severa [The Questions of Language and Folklore of the Peoples of the North]*. Yakutsk, USSR Academy of Sciences Publ., 1972, pp. 121–142. (In Russ.)

24. Pukhov I. V. *Geroicheskiy epos altae-sayanskikh narodov i yakutskoe olonkho* [*Heroic Epic of the Altai-Sayan Peoples and the Yakut Olonkho*]. Yakutsk, USSR Academy of Sciences Publ., 2004. 328 p. (In Russ.)
25. Pukhov I. V. *Yakutskiy geroicheskiy epos — olonkho: publikatsii, perevod, teoriya, tipologiya: izbrannye stat'i* [*The Yakut Heroic Epic — Olonkho: Publications, Translation, Theory, Typology: Selected Articles*]. Yakutsk, USSR Academy of Sciences Publ., 2004. 207 p. (In Russ.)
26. Satanar M. T. Codes in Modeling the World of Tuvan and Yakut Epic Tales. In: *Novye issledovaniya Tuvy* [*The New Research of Tuva*], 2022, no. 1, pp. 211–224. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1016/1470> (accessed on March 1, 2023). DOI: 10.25178/nit.2022.1.14. EDN: PSOZSH (In Russ.)
27. Yuldybaeva G. V. Cuckoo in the Folklore of the Turkic Peoples. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [*Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism*], 2012, issue 67, no. 20 (274), pp. 154–156. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kukushka-v-folklore-tyurkskih-narodov/viewer> (accessed on March 1, 2023). EDN: PKBSGJ (In Russ.)
28. Lvova S. D. Biomorphic Images of Comparison in Yakut Olonkho and Other Turkic Epics of Siberia. In: *Agathos: An International Review of the Humanities and Social Sciences*, 2020, vol. 11, issue 2 (21), pp. 133–149. Available at: https://www.agathos-international-review.com/issue11_2/19.Lvova.pdf (accessed on March 1, 2023). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Львова Сахая Даниловна, старший научный сотрудник, заведующий сектором олонхovedения, Научно-исследовательский институт Олонхо, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (ул. Кулаковского, 42, г. Якутск, Российская Федерация, 677000); ORCID: 0000-0003-1311-8609; e-mail: lvovasakhaya@mail.ru.

Sakhaya D. L'vova, Senior Research, Scientific Head of Sector “Olonkho Studies”, Olonkho Research Institute, Ammosov North-Eastern Federal University (ul. Kulakovskogo 42, Yakutsk, 677000, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-1311-8609; e-mail: lvovasakhaya@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 02.03.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.04.2023

Принята к публикации / Accepted 16.04.2023

Дата публикации / Date of publication 09.06.2023